

без сомнения, не только результат влияния масонства, но и отклик на впечатления революции.

В традиционных темах в эти годы вычитывают далеко не традиционное содержание, и даже мотивы, к примеру, сумароковских стихов:

Смертный, будь ниже,
В жизни ты сей,
Стал ты поближе
К смерти своей

могли быть наполнены новым и злободневным содержанием. Такие мотивы не только воспринимались, но и создавались с учетом нового содержания. В «Истории Перона» читатель искал судьбу современных правителей.

«Идеи о свободе и равенстве еще не разъяснены как следует» — писал Wilhelm Freiherr von Byern и рекомендовал сторонникам реакции обратиться к тому же материалу, в котором французская революционная буржуазия находила для себя оружие против самовластия. «Краткая правильная картина старых греческих и римских республик... действовала бы значительно сильнее, чем самая искусная теория».¹

В 1802 г., когда при Александре I в период реформы тема революции была изъята из-под запрета, и первый русский политический журнал «Вестник Европы» буквально с первой до последней страницы заполнялся материалами о Франции, когда в короткий промежуток времени появился на эту тему десяток книг Карамзин нашел целесообразным поместить в своем журнале «Историю французской революции, избранной из латинских писателей». Такая история, в которой Тацит, Саллюстий и Светоний рассказывают о французской революции, могла быть составлена и переведена именно потому, что в XVIII в. существовал своеобразный эзоповский язык, понятный для каждого читателя.

К этой традиции чтения между строк и вычитывания интонации, — традиции, воспитанной классицизмом, тесно связанной с аллегорией, как формой поэтического представления, — прибегала и революция и реакция. В России отношение к революции выражалось именно этим путем в силу однозности самой тем

¹ Wilhelm Freyherr von Byern. «Was kann man von Russland in den jetzigen kritischen Zeitumständen zum Wohl der Menschheit hoffen?», 179 стр. 8—9.